

экономической сфере. В России сегодня предпринимаются меры по стимулированию новых технологических разработок, следует внести изменения в зачастую не отвечающую современным требованиям географическую и товарную структуру ее внешнеторговой деятельности. Помимо необходимости совершенствования системы поддержки экспорта ставится также задача изменения макроэкономической стратегии. По мнению российских ученых, наиболее продуктивной идеологией для России сейчас является стратегия диверсификации, которая позволяет обеспечить оптимальное вовлечение в разнонаправленные тенденции мирового развития.

Литература

1. Ворона А.А. Сотрудничество ЕАЭС и АСЕАН : проблемные аспекты и перспективы развития // Ученые записки Санкт-Петербургского им. Б.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2020. – № 1 (73). – С. 51–54.
2. Гладков И.С. Внешнеторговые связи Российской Федерации: новые тренды в эпоху турбулентности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. Экономика инновационного развития : теория и практика, 2020. – № 1(25). – С. 19–29.
3. Григорьева А.К., Мирошина Е.А. Роль Российской Федерации в регулировании внешнеторговой деятельности // Национальная ассоциация ученых, 2020. – № 53 (2). – С. 25–29.
4. Квашина И. Особенности регулирования в России прямых иностранных инвестиций // Общество и экономика, 2020. – № 10. – С. 85–97.

Добаев И.П.*

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ В ПЕРИОД ВВОДА СОВЕТСКИХ ВОЙСК (27. 12. 1979 г.)

DOI: 10.31249/rimm/2022.01.02

***Аннотация.** В статье рассматривается внутриполитическая и этноконфессиональная ситуация в Афганистане, сложившаяся накануне ввода советских войск в эту страну 27 декабря 1979 г. Показывается и доказывается доминирующее влияние на внутриафганские процессы эт-*

* Добаев И.П., доктор философских наук, профессор, эксперт РАН, ветеран войны в Афганистане, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, e-mail: ipdobaev@sfnu.ru

© Добаев И.П., 2022

нического, прежде всего пуштунского, фактора. Этот фактор базируется на традиционных родоплеменных отношениях, исторически сложившихся у пуштунов, являющихся государствообразующим народом Афганистана. Игнорирование этнических особенностей афганских мусульман, особенно синтеза пуштунского национализма, их обычного права (пуштунвалай) и традиционных форм бытования ислама внешними силами ведет к негативным для них последствиям. Недаром Афганистан называют «кладбищем империй». Примеры Великобритании, Советского Союза, а теперь и Соединенных Штатов убедительно подтверждают данный тезис.

Ключевые слова: *Афганистан; конфессия; ислам; исламизм; племена; пуштуны; этносы.*

Являясь страной с древнейшей историей, Афганистан в течение многих веков территориально входил в состав других государств. В XVIII в. территория Афганистана пребывала в составе Персидской империи, однако после трагической гибели Надир-шаха Афшара в 1747 г. эта империя распалась. Наиболее боеспособные части персидского войска – афганцы – возвратились на родину, где в том же году по инициативе пуштунского вождя Ахмад-шаха впервые в истории возникает собственно афганское государство – Дурранийская держава. В период своего расцвета ее южные берега омывали воды Индийского океана. Однако при преемниках Ахмад-шаха огромное афганское государство распалось на ряд самостоятельных территориально-политических образований – Пешаварское, Кабульское, Кандагарское и Гератское.

В XIX в. на огромном театре евразийского Римланда пришли в противоречие геополитические интересы Российской и Британской империй. Эта многоплановая борьба, получившая в литературе метафорическое название «Большая игра», спровоцировала три англо-афганские войны (две в XIX в. и одну в XX в.), однако установить над Афганистаном колониальное господство британцам так и не удалось, а по результатам третьей войны англичане были вынуждены признать независимость Афганистана. В то же время, по окончании второй англо-афганской войны пуштунский суперэтнос был разделен примерно пополам, а между Британской Индией и Афганистаном прошла новая граница по так называемой «линии Дюранда», получившей название по имени политического советника британского вице-короля того времени.

После получения независимости в 1919 г. первым эмиром Афганистана становится Аманулла, тогда же это государство первым признало РСФСР, между ними были установлены дипломатические отношения. В 1926 г. эмир Аманулла, приступив к модернизации страны, упразднил эмират и объявил себя королем, а страну королевством. В конце 1928 г. в Афганистане при поддержке англичан вспыхнул мятеж и к власти пришел тесно связанный с английскими спецслужбами авантюрист, этнический таджик Бача-и Сакао («сын водоноса»). Однако вскоре он был свергнут и убит, а королем стал пуштун Надир-шах, после смерти которого в 1933 г. престол унаследовал его сын Захир-шах, который в 1973 г. был свергнут своим дядей – Мухаммедом Даудом. Он провозгласил образование республики и приступил к реализации соответствующих реформ, однако очевидных успехов достичь не удалось. В этот же период в стране усиливалась созданная в середине 1960-х Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА), декларирующая марксистско-ленинские принципы. Вскоре после своего создания партия размежевалась по этническому принципу. Крыло «хальк» («народ») возглавил пуштун Нур-Мухаммед Тараки, а «парчам» («знамя») – таджик Бабрак Кармаль. Однако к весне 1978 г. оба крыла вновь объединились, а 27 апреля 1978 г. при ведущей роли НДПА был осуществлен военный переворот, в ходе которого Дауд-хан и его окружение были убиты, а к власти пришла НДПА. Первым лидером провозглашенной Демократической Республики Афганистан (ДРА) стал пуштун Нур-Мухаммед Тараки, а фактически вторым лицом в государстве – пуштун Хафизулла Амин. Внутрипартийная борьба внутри НДПА вспыхнула с новой силой, а вскоре Х. Амин, физически устранив Н.-М. Тараки, стал новым лидером ДРА. Жесточайшим способом осуществляя реформы, Х. Амин восстановил против себя население Афганистана, в результате повсеместно развернулась борьба против режима. Сложная ситуация стала причиной многократных обращений Тараки, а затем Амина, к советскому руководству ввести войска на территорию страны. 27 декабря 1979 г., после двух десятков обращений к Москве Тараки и Амина, после свержения и убийства Тараки, советские войска вошли в Афганистан. Халькисты были от власти отстранены, во главе Афганистана встал лидер «Парчам» – таджик Бабрак Кармаль.

В контексте вышесказанного представляется актуальным рассмотреть этноконфессиональную ситуацию в Афганистане накануне ввода советских войск, игнорирование которой при плани-

ровании советским руководством привело к крайне негативным для Советского Союза результатам.

Афганистан с момента своего образования являлся полиэтническим государством. На 1979 г. население страны насчитывало 15,5 млн человек, со следующим этническим составом: пуштуны – 45% от общей численности населения (7 млн человек), таджики – 25% (3,8 млн человек), хазарейцы – 10% (1,5 млн человек), узбеки – 8% (1,2 млн человек), чараймаки – 6% (980 тыс. человек), туркмены – 3% (460 тыс. человек), нуристанцы, киргизы, белуджи, индийцы, курды, персы и др. – 3% (460 тыс. человек) [1, с. 4].

Следует подчеркнуть, что для всех афганских народов были характерны наличие устойчивых родоплеменных связей, приверженность этнической солидарности независимо от того, вели ли они оседлый (80% населения), кочевой или полукочевой образ жизни, проживали ли они в городе или в сельской местности. Такая ситуация, в целом, сохраняется и в настоящее время. В большей степени это характерно для пуштунов, хазарейцев, чараймаков, белуджей, туркмен и киргизов. Эти народы делятся на племена, а они, в свою очередь, на роды и семейства. Существуют также объединения в племенные союзы. Активную роль в жизни афганского общества до сих пор продолжают играть такие традиционные формы, как институты племенных собраний (джирга) старейшин племен и религиозных авторитетов, при этом зачастую старейшины и муллы выступают в одном лице.

Племена всегда стремились к существенной автономии и независимости от центральных властей. Многие афганские племена, особенно кочевые и полукочевые, отличались ярко выраженной военно-племенной организацией. Афганцы южных, юго-западных и восточных провинций никогда не расстаются с холодным, а зачастую и огнестрельным оружием, что издревле стало их традицией. Военная подготовка в племенах, особенно у пуштунов, ведется постоянно. Они располагают собственными вооруженными отрядами, возглавляемыми их вождями. В случае необходимости они пополняются за счет вооруженных членов племен, включая подростков и даже женщин. Внутри племен установлена строгая дисциплина, существует стройная и надежная система оповещения.

Вместе с тем между различными афганскими народами и племенами существуют противоречия, нередко приводящие к серьезным конфликтам. Они всегда проявлялись между пуштунами, которые традиционно занимали господствующее положение в стране, и непуштунами. Противоречия в афганском обществе име-

ли и до сих пор имеют место и на религиозной почве, особенно между суннитами (их большинство) и шиитами (их менее 20% населения).

Пуштуны, являясь государствообразующим народом Афганистана, составляли и составляют почти половину населения этой страны. Однако следует иметь в виду, что в Пакистане, вследствие англо-афганских войн XIX в., в конце 70-х годов XX в. проживало 9 млн пуштунов, от приграничных с Афганистаном районов до Индии (племена вазиров, афридиев, мангалов, шинвари, момандов, джаджи и др.).

Собственно в Афганистане пуштуны расселены главным образом в южной, юго-восточной и восточной частях страны (провинции Герат, Фарах, Гур, Кандагар, Заболъ, Газни, Пактия, Пактика, Парван, Лагман, Кунар, а также в Кабуле), то есть от юго-западных границ (с Ираном) до восточных (с Пакистаном), где их расселение непосредственно переходит на пакистанскую территорию. Общее число пуштунов в Афганистане и Пакистане в 1979 г. составляло 17 млн человек (в настоящее время – свыше 60 млн человек. – И.Д.), объединенных в 60 с лишним племен и кланов. Искусственно разделенные так называемой «линией Дюранда», пуштунские племена продолжают связывать тесные родовые, родственные и иные связи.

По своему составу пуштунские племена Афганистана относят к трем основным группам: западное племенное объединение дуррани (на 1979 г. – более 3 млн человек), восточное племенное объединение гильзаев (более 1,5 млн человек), племенное объединение карани (около 1,5 млн человек), а также ряд отдельных крупных племен, не входящих в указанные племенные объединения.

Племена дуррани проживают, в основном, в юго-западных областях Афганистана – на обширной территории от Кандагара до Фараха на юге и Герата на западе. Крупнейшими племенами этого объединения выступают баракзай, попельзай, аликозай, ачекзай и др. Племенному союзу дуррани принадлежит главенствующая роль в становлении и последующем оформлении афганского государства. Из него выходили все правящие династии афганского государства. Особое место в этом отношении на протяжении полутора столетий занимал клан мохаммедзаев, представителями которого были бывший король Захир-шах и бывший президент М. Дауд. Отметим также, что в этом племенном объединении исторически враждуют племена баракзаев и попельзаев.

Гильзаи проживают в основном в южных и юго-восточных провинциях – Заболь, Газни, Пактия и Пактика, а также в Пакистане. Наиболее авторитетные племена гильзаев – сулейман-хейль, ахмадзай, али-хейль, тараки и др. Племена гильзаев, наряду с дуррани, занимали и занимают видное место в афганской истории. Между гильзаями и дуррани фиксировалось постоянное соперничество за преимущественное влияние в государстве. Например, последний просоветский лидер Афганистана – пуштун Наджибулла – был выходцем из племени ахмадзай.

К племенному объединению карани относятся племена африди, мангалы, джаджи, моманды, вазири, шинвари, джадрани и др. Они, в основном, расселены в юго-восточных районах Афганистана. Ряд племен карани проживают по обе стороны афгано-пакистанской границы, а большое их количество живет на территории Пакистана, их центром является город Пешавар.

Взаимоотношения правящих кругов Афганистана с пуштунскими племенами всегда отличались сложностью и противоречивостью. Пуштунские кочевые племена традиционно пользовались значительными привилегиями по сравнению с другими народами. Они полностью или частично освобождались от налогов, воинской повинности и др. Тем не менее ни одно афганское правительство так и не сумело установить какую-либо форму эффективного контроля за кочевниками.

Необходимо также подчеркнуть, что, являясь самой крупной этнической общностью и традиционно играя доминирующую роль в афганском обществе, пуштуны зачастую проявляли и проявляют высокомерие и демонстрируют собственное превосходство по отношению к другим народам.

Большое влияние на жизнь каждого пуштуна оказывает «кодекс чести» – «пуштунвалай». Он включает в себя многие моральные ценности, среди них – достоинство, правдивость, искренность. Пуштуны скорее отдадут жизнь, чем допустят посягательство на честь своих женщин или авторитет старейшин. Кодекс предписывает им быть преданными истине, независимо от последствий, любой ценой держать свое слово, проявлять твердость и настойчивость, бесстрашие и отвагу, быть гостеприимными и не прощать обиду (пуштун может годами ждать удобного момента, чтобы отомстить обидчику). Учитывая, что Афганистан практически всегда, за редким исключением, управлялся представителями пуштунов, а правящие круги государства десятилетиями проводили политику ассимиляции, законы «пуштунвалай» довольно глубоко

проникли в афганское общество, став ценностными ориентирами для остальных народов страны.

Среди других этносов Афганистана следует выделить таджиков. Они являются не только второй по численности этнической группой, но и наиболее развитой в экономическом отношении частью населения страны. У таджиков хотя и существуют родоплеменные отношения, но они выражены в значительно меньшей степени, чем у других народов. Таджики составляют значительную прослойку населения городов, а процент грамотности среди них выше, чем у других народов. Кроме того, как и пуштуны, таджики считают себя потомками легендарных ариев. Однако, являясь национальным меньшинством, они никогда не играли такой роли в политической жизни страны, как пуштуны.

Остальные народы Афганистана (хазарейцы, узбеки, чараймаки, туркмены и др.) представляют собой национальные меньшинства, их влияние на политические процессы в стране всегда было малозаметным. Однако уже в середине 60-х годов XX в. фиксируются политизация этничности и их определенная консолидация. На этом поле происходит размежевание по линии пуштуны – непуштуны. Это касается не только «левой» НДПА, которая вскоре после своего образования в 1965 г. распалась на два крыла – «хальк» (лидер – пуштун Н.-М. Тараки) и «парчам» (таджик Б. Кармаль), но и филиальных исламистских структур местных «Братьев-мусульман». Среди последних также произошло образование партийных группировок по этническому принципу. «Исламскую партию Афганистана» (ИПА) возглавил пуштун Г. Хекматъяр, а «Исламское общество Афганистана» (ИОА) – таджик Б. Раббани. В этой связи представляется важным рассмотреть состояние ислама на момент ввода советских войск.

Исторически в Афганистане ислам играл и продолжает играть важную роль. С момента своего распространения на афганской территории в течение веков ислам безраздельно господствовал среди других религиозных культов, особенно в сельской местности. Под флагом религии правители осуществляли объединение афганских земель и завоевание других территорий. Когда над Афганистаном нависла угроза колониального завоевания его англичанами, религия стала использоваться как средство сплочения афганских народов в борьбе против колонизаторов [2, с. 60–61].

Ислам активно вмешивался в развитие общественно-политической жизни, используя различные каналы воздействия на людей, на их общественное мнение. Более того, религия в лице

служителей культа, которые участвовали в различных звеньях государственного аппарата, непосредственно влияла на формирование государственной политики и обслуживающей ее официальной идеологии.

Большинство населения Афганистана всегда питало глубокую приверженность к исламу и испытывало на себе всестороннее влияние служителей культа. Удельный вес духовенства в афганском обществе был весьма значителен. Так, на начало 1980 г. из почти 16-миллионного населения страны служителей культа и богословов различных рангов насчитывалось более 250 тыс. человек. В стране функционировало свыше 15 тыс. мечетей. В одном только Кабуле насчитывалось 545 мечетей [3, с. 7].

На тот же период времени примерно 80% населения страны составляли мусульмане-сунниты, 18% – шииты и около 2% – последователи прочих верований. Причем, характерным для Афганистана был сильно развитый суфизм в суннитском направлении ислама, действовали различные суфийские тарикаты и братства. На западе Афганистана распространен тарикат чиштиа, сторонники которого чаще всего проживают в городах. На востоке страны на границе с Пакистаном проживают приверженцы тариката сухравердийа. В северных и центральных районах распространен тарикат накшбандийа. Среди части пуштунов имеются сторонники еще одного крупного тариката — кадирийа. Подчеркнем, что два последних суфийских тариката (накшбандийа и кадирийа) получили распространение на Северо-Восточном Кавказе (Дагестан, Ингушетия и Чечня), а на основе идеологической доктрины тариката накшбандийа в XIX в. там развернулось мощное религиозное движение, ставшее известным как «кавказский мюридизм» [4, с. 21]. В связи с развитием суфизма в Афганистане широко распространен культ почитания гробниц (мазаров) и «святых мест» (зияратов), которых здесь насчитывалось более 8 тыс. Наиболее почитаемыми из них являются: гробница «Мазар святого Али» (Мазар-и-Шариф), место хранения «рубища» Пророка Мухаммеда (Кандагар); мечеть Сахи (Кабул); гробница религиозного мыслителя, святого Ахунд-заде (Джелалабад), а также центральная мечеть в Герате [3, с. 5].

Шииты в Афганистане (хазарейцы и немногочисленная часть некоторых других народов, в том числе ряда пуштунских племен) представлены группой направлений и сект, среди которых имамиты, исмаилиты, али-иллахи, рошанийа, ахмадийа и др. Имамиты пользуются поддержкой Ирана, особенно после февральской

революции 1979 г. в этой стране, когда к власти пришло исламское духовенство, а государство превратилось в Исламскую Республику Иран (ИРИ).

В ходе исторического развития Афганистана духовенство превратилось во влиятельную, привилегированную прослойку. Однако в силу ряда обстоятельств у мусульманского духовенства страны никогда не было признанного лидера, обладающего правом выступать в качестве главы религиозной общины всего Афганистана. Вместе с тем в некоторых районах страны, подчас охватывающих значительные территории, действовали различные духовные авторитеты. Среди них – сеиды (считающие себя потомками Пророка Мухаммеда), хазраты, шейхи, пиры, ишаны (главы различных сект и суфийских тарикатов), имеющие многочисленных последователей и непререкаемый авторитет среди верующих своей округи. Наиболее влиятельной среди них являлась семья Муджаддеди. Ее представители в период монархии занимали главенствующее положение в высшем руководящем органе духовенства – Совете улемов («Джамийат-и-улама»). Значительным влиянием пользовалось и семейство Гиляни, поставлявшее духовников афганским монархам. Крупное духовенство экономически было тесно связано с феодальной земельной аристократией, а некоторая часть – с торговой буржуазией [3, с. 7–9].

Разумеется, высшее и среднее духовенство, придерживаясь крайне консервативных взглядов, и до апрельского переворота 1978 г. ратовало за сохранение традиционных порядков, выступало против демократизации общественной жизни страны и сотрудничества с Советским Союзом. Уже во второй половине 60-х годов в Афганистане появляются филиальные структуры исламистской организации «Братья-мусульмане», которая была создана на рубеже 1928–1929 гг. в студенческой среде Египта, возглавляемой их лидером – Хасаном аль-Банной [5, 18–19]. Питательной почвой для появления подобных организаций в Афганистане стал Кабульский университет, где была создана политическая партия «Мусульманская молодежь». В числе основателей движения были А. Сайаф, Б. Раббани, Г. Хекматъяр, позже к ним присоединился Ахмад Шах Масуд. Клерикалы вели активную политическую агитацию в различных слоях населения, особенно среди студенческой молодежи, а их организация «Мусульманская молодежь» выступала под лозунгом «Да здравствует борьба за Коран во всем мире!». Религиозные экстремисты уже в тот период вынашивали планы

создания в Афганистане теократического государства во главе с «справедным президентом», избранным из числа духовенства.

После государственного переворота 1973 г., осуществленного М. Даудом, в Афганистане властями начала проводиться жесткая антиисламистская политика, что стало причиной перехода местных «Братьев» от политической к вооруженной борьбе против режима [6, с. 141]. В 1975 г. ими была предпринята попытка вооруженного антиправительственного мятежа, которая потерпела неудачу. В результате лидеры мятежников бежали в Пакистан, где уже в 1976 г. в руководстве «Мусульманской молодежи» произошел раскол. Были сформированы две партии – «Исламское общество Афганистана» (ИОА) во главе с таджиком Б. Раббани и «Исламская партия Афганистана» (ИПА), лидером которой стал пуштун Г. Хекматъяр. В партию Хекматъяра входили преимущественно пуштуны, а в структуру Раббани – соответственно таджики. В последующем расколы по этническому признаку стали правилом при формировании других афганских религиозно-политических партий и движений.

После апрельского переворота 1978 г. его противники продолжали активно и искусно манипулировать лозунгами защиты ислама, которые подкреплялись некоторыми положениями шариата, а также цитатами из Корана и Сунны. При этом преследовались вполне конкретные политические цели – свержение «марксистского» руководства, власти НДПА и восстановление монархии, либо установление исламской республики. Эти силы зачастую группировались вокруг мечетей, стремясь превратить их в свои опорные пункты. Перейдя к открытой вооруженной борьбе, они объявили «джихад» против кабульского режима. Вооруженную борьбу возглавили различные «исламские» партии и организации: «Исламская партия Афганистана», «Исламское общество Афганистана», «Движение исламской революции Афганистана», «Исламская националистическая революционная партия Афганистана», «Союз исламских воинов» и др., зачастую возглавлявшиеся представителями крупного и среднего духовенства страны. Среди них можно назвать С. Муджаддеди, Б. Раббани, маулави М. Наби и др. Уже в январе 1980 г. под нажимом зарубежных «спонсоров» был организован так называемый «единный национальный исламский фронт», впоследствии трансформировавшийся в «союз семи исламских партий». Безусловно, всему этому способствовали радикальные, совершенно пагубные в условиях Афганистана реформы, осуществлявшиеся новым руководством страны. Начавшись при

Н.-М. Тараки, такие «реформы» при Х. Амине приобрели невиданный размах, сопровождались государственным террором против «инакомыслящих». Все это привело к полномасштабному развертыванию, по сути, гражданской войны в стране.

Противники режима, при массовой поддержке извне приступили к созданию, обучению и вооружению диверсионно-террористических отрядов. Часть из них формировалась в Афганистане, другие, пройдя обучение в специальных лагерях и базах на территории Пакистана и Китая под руководством американских, китайских, пакистанских и египетских инструкторов, переправлялись через афганскую границу. Важную роль в этих отрядах играли муллы, осуществлявшие пропагандистскую деятельность против кабульского режима. Используя вооруженные басмаческие и террористические формы борьбы, морально-психологическое давление на сторонников официального Кабула, они в целях подрыва новой власти стремились дестабилизировать внутреннее и осложнить международное положение нового государства.

Одним из основных направлений антиправительственной пропаганды стала идея «защиты ислама», обвинение режима в безбожии, воинствующем атеизме. Примкнувшие к «моджахедам» служители мусульманского культа обвиняли НДПА и ее лидеров в том, что они якобы стремятся ликвидировать ислам в Афганистане и что с этой целью сжигаются мечети, уничтожаются священные книги, оскверняются «святые места» (мазары и зияраты), мусульманам запрещают исполнять религиозные обряды, детей в школах учат безбожию, что члены партии культивируют антирелигиозную мораль и т.д. Пытаясь подтвердить фактами свои обвинения, исламисты нередко устраивали провокационные поджоги мечетей, осквернение «святых мест», уничтожали священные книги, разбрасывая их страницы в общественных местах, выступали перед верующими с провокационными речами, якобы от имени официальных властей [2, с. 65].

В этих же целях, с учетом неграмотности основной массы населения, стали активно использоваться красочно исполненные листовки, на которых в карикатурной форме изображались «враги ислама» видные государственные и политические деятели ДРА, – и наоборот, «борцы за веру» и их лидеры героизировались. На том же этапе активно распространялись аудиокассеты, записи на которых представляли ислам как религию, приносящую социальное освобождение, выступающую против неравенства и эксплуатации. Гарантацией создания справедливого общества, по словам исламских

идеологов, должно быть соблюдение таких принципов ислама, как добровольное пожертвование богатыми, а не насильственное изъятие их имущества в пользу бедняков, что по раннему большевистскому образцу практиковалось афганскими властями.

В свою очередь, шиитское духовенство и часть шиитского населения, проживающего в основном в западных и центральных провинциях страны, пользовались поддержкой иранских властей, которые оказывали им идеологическую, моральную и материальную помощь, направляя денежные средства, снаряжение, пропагандистскую и специальную литературу с рекомендациями по вопросам ведения подрывной деятельности против новых властей, кассеты с записями речей «рахбара» – аятоллы Рухоллы Хомейни. Тегеранское радио вело передачи на религиозные темы с целью разжигания ненависти не только шиитов, но и всех верующих Афганистана к кабульскому режиму.

В результате такого массированного мобилизующего идеологического воздействия противникам НДПА удалось привлечь на свою сторону значительную часть афганского населения, особенно в сельской местности. К идеологической антиправительственной кампании активно подключились и пропагандистские органы Пакистана, Ирана, а также радиостанции США, Великобритании, ФРГ и других западных стран, стремившихся разыграть «исламскую карту». В планах США было втягивание Советского Союза в непосредственное военное участие во внутреннем афганском конфликте, а затем и перенесение «священной войны» на советскую территорию, прежде всего, в Среднюю Азию, где еще не забыли о вооруженной борьбе большевиков с местными басмачами. Разумеется, реализация таких планов представляла серьезную угрозу для советского государства.

Вместе с тем, как подчеркивалось выше, накануне военного переворота в Афганистане 1978 г. наибольшее распространение имели четыре суфийских суннитских тариката, существовали также многочисленные секты, как в суннитском, так и в шиитском направлениях. Крайняя этническая, родо-племенная и конфессиональная (внутри ислама) разобщенность и неоднородность афганского общества длительное время препятствовали консолидации сил сопротивления на какой-либо основе. Лидер каждой из исламских партий всячески отстаивал свою самостоятельность, нередко были кровавые стычки между боевиками, сторонниками тех или иных религиозно-политических движений. В определенной степени объединяющим религиозным фактором по сплочению оппози-

ции, по мнению американцев и их союзников, могло бы стать насаждение в Афганистане саудовского ваххабизма [7, с. 56–67], но для этого нужно было обеспечить непосредственное втягивание советских вооруженных сил во внутриафганский конфликт. Американцы давно уже размышляли о своеобразном «Вьетнаме» для Советского Союза, с вытекающими отсюда последствиями. Такая возможность, наконец, представилась: гражданская война в Афганистане набирала обороты, а ее лидеры (Тараки и Амин) действительно неоднократно обращались к советскому руководству с просьбой о вводе войск в эту страну.

После долгих размышлений «кремлевские старцы» решились на отправку «ограниченного воинского контингента» в Афганистан. Скорее всего, в этом решении превалировали геополитические моменты, тем более что в феврале 1979 г. в соседнем Иране был свергнут шахский режим, союзник США в регионе, что давало поводы говорить об ослаблении американских позиций в регионе. Занять их советскому руководству так и не удалось, поскольку пришедшая к власти иранская муллократия вскоре заняла не только антиамериканскую, но и антисоветскую позицию. В такой динамично изменяющейся обстановке советское руководство, по-видимому, сочло необходимым предпринять активные действия на афганском направлении, перехватив у американцев стратегическую инициативу [8, с. 31–33]. В результате, досконально не просчитав все риски и не приняв во внимание исторические, внутриполитические, этноконфессиональные факторы, должным образом не спрогнозировав реакцию международного сообщества, 27 декабря 1979 г. в соседнюю, дружественную страну был осуществлен ввод советского «ограниченного воинского контингента».

Растянувшееся почти на девять лет советское военное присутствие в Афганистане (27 декабря 1979 г. – 15 февраля 1989 г.) имело геополитические последствия глобального масштаба, приведя в действие негативные внутриполитические процессы в Советском Союзе, одновременно ослабив его на мировой арене. Пришедшие в 1985 г. к руководству СССР партийные функционеры с «новым мышлением», инициировавшие пресловутую политику «перестройки», вскоре и вовсе привели к развалу великую страну.

Литература

1. Особенности национальных, родоплеменных отношений в Афганистане и его армии (пер. с дари). – Кабул: Изд-во ИОН ЦК НДПА, 1986. – 31 с.

2. *Добаев И.П.* Исламский радикализм в международной политике // Ростов-на-Дону: «Ростиздат», 2000. – 200 с.
3. Роль и место ислама в современном Афганистане (перевод с дари) // Кабул: Изд-во ИОН ЦК НДПА, 1986. – 42 с.
4. *Добаев И.П., Мурклинская Г.А., Сухов А.В., Ханбабаев К.М.* Радикализация исламских движений в Центральной Азии и на Северном Кавказе: сравнительно-политологический анализ. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2010. – 186 с.
5. *Добаев И.П.* Политические институты исламского мира: идеология и практика // Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001. – 80 с.
6. *Добаев И.П.* Исторические и доктринальные корни исламского радикализма, его современные проблемы и течения // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – № 2 (14).
7. *Добаев И.П.* Ваххабизм как социально-политический феномен в Саудовской Аравии и на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. – 2001. – № 3.
8. *Добаев И.П.* Кавказский макрорегион в фокусе геополитических интересов мировых держав: история и современность // Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007. – 208 с.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*